

Можна узагальнити, що концепт *freedom* належить до «вічних тем», який є *matchless value* для американської нації впродовж усієї її історії. Концепти – як форми феноменологічної перцепції – набувають значення «вічних тем», активізують чуттєві враження, які виникли раніше та перейшли у сферу підсвідомого.

Загальнолюдське сприйняття дискурсу, його мовна площина скеровані на акцентуацію певних моральних пріоритетів нації, визначальних і вартісних для кожного індивідуально, але цілісно сформованих й усвідомлених суспільством як система духовних цінностей.

Перспективою подальших досліджень є виділення та аналіз інших культурних концептів, характерних для носіїв англійської мови, які маніфестують когнітивну взаємодію мови й культури.

Джерела й література

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М., 1999. – 776 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М., 2001.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 13-38.
4. Гапновська Л.В., Дука М.В. Концепт «культура» в номінативному просторі «коханья» / Вісник Житомирського державного університету ім. Івана Франка. – Житомир: Житомирський державний університет ім. Івана Франка, 2005. – С. 47-50.
5. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. – С.116-133.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
7. Крючкова Т. Б. Общественно-политическая лексика и терминология: основные свойства и тенденции развития. – ДД. – М., 1991.
8. Кубрякова Е. С., Демьянков В.З. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Наука, – 1996.
9. Новый Большой англо-рус. словарь: В 3 т. / Ю. Д. Апресян. – М.: Рус. яз., 1999.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред., предисл. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
11. Томенчук М. В. Концепт у когнітивній взаємодії варіантно зумовленої англійської мови й культури // Проблеми романо-германської філології / Зб. наук. пр. – Ужгород: Ліра, 2004. – С.110-120.
12. Хименко С. А. Динаміка структури концепта «материнство» // Треті Каразинські читання: методика і лінгвістика на шляху до інтеграції. – Харків: ХНУ ім. Каразіна, 2003. – С. 183-184.
13. Яценко М. А. Вербалізація концептів «мужчина» і «жінчина» на словообразовательному рівні англійського мови // Треті Каразинські читання: методика і лінгвістика на шляху до інтеграції. – Харків: ХНУ ім. Каразіна, 2003. – С. 204-205.
14. Bayley P. 1985 – Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77-174.
15. *New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language.* – Danbury: Lexicon Publications, Inc., 1993. – 1248 p.
16. Sproule M.J. *Speechmaking: An Introduction to Rhetorical Competence.* – San Jose State University, Wm. C. Brown Publishers, 1991. – 490 p.
17. <http://www/whitehouse.gov/news/releases/2005/01/20050120-1/htm/>

Забашта Р. В.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИДЕОГРАФИИ: ПОДХОДЫ, КАТЕГОРИИ, ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ

Стремление к созданию «активной» лингвистики, изучающей язык как функциональную систему, то есть такую систему, «возникновение и существование которой обусловлено необходимостью выполнения некой социально значимой функции» [Рудяков, 1998, с. 41], позволило увидеть в объекте изучения особый инструмент, предназначенный для решения практических задач языковой личности, а значит обнаружить основополагающую причинную зависимость от «среды»¹, непосредственно определяющей закономерности развития и изменения языка.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению основных этапов развития особой отрасли лингвистического знания, получившей имя *идеография*. Актуальность обращения к этому вопросу обусловлена тем обстоятельством, что языкознание в начале XXI века характеризуется сменой научной парадигмы в пользу функционализма, обладающего достаточным методологическим потенциалом для построения объяснительных моделей (экспланаторность); исследования языка как действующей системы (динамизм); осознания примата функции, творящей форму и способ существования изучаемых объектов (каузальность).

В языкознании термин *идеография* (от греч. *ideo* – идея, понятие и *графо* – пишу) получил двоякое наполнение: с одной стороны, под ним понимают определенный круг вопросов, касающихся содержательных закономерностей организации лексики, с другой – практику построения словарей, в основу которых положен принцип упорядочения словесных форм² по смысловой близости. Идея о создании словаря, в котором словесные формы располагались бы по принципу близости/смежности значений, зародилась еще в древнейшие времена. В эпоху возникновения идеографического письма единственным возможным способом упорядочения идеограмм и иероглифов была классификация знаков по тематическим группам, так как люди осознавали лишь один тип отношений, а именно: отношения, существующие между реалиями в самой действительности (словари Ю. Поллукса, «Амаракоша» и др.).

На первом этапе развития идеографии отсутствовал основополагающий для науки принцип рефлексии, что обуславливало обывательский взгляд на язык и его содержательную сторону.

Однако уже первые попытки научного идеографического описания лексики затронули ряд вопросов, связанных прежде всего со спецификой объекта описания. Поскольку лексика, как считали ученые разных эпох, непосредственно отражает мир, достаточно найти такую разумную взаимосвязь между объектами реальности, которая бы обнаружила систему непротиворечивых отношений между этими объектами³. Именно логическая классификация всего, что может стать предметом человеческой мысли, стала главным принципом идеографического описания на протяжении XVII-XVIII вв.

Первая волна попыток сконструировать новый словарь связана с эпохой рационализма, в частности, с задачей создать так называемый всемирный философский язык, способный систематизировать в самой своей структуре все сущее (теория «алфавита человеческих мыслей» Г. Лейбница, труд Дж. Уилкинса «Опыт о реальном выражении и философском языке» (1668) и др.). Первые создатели словарей нового типа, развивая идеи смысловой классификации лексики, затронули важный вопрос о принципах этой классификации.

Человечество во все времена ощущало свою беспомощность перед фактом многообразия языков; отсутствие единого общепонятного языка не устраивало людей; эта «древняя тоска... по всеобщему языку нашла отражение в известной библейской легенде о Вавилонской башне» [Морковкин, 1970, с. 15]. Сторонники создания философского языка преследовали чисто научные цели, действуя согласно канонам, провозглашенным в эпоху Просвещения, что обусловило несостоятельность подобных проектов, имеющих ярко выраженный утопический характер. Сейчас идея универсального языка не перестает интересовать людей⁴.

Вторая волна связана со словарями крупных лексикографов XIX–XX вв. Этот период в развитии мировой идеографии ознаменован стремлением к созданию альтернативных моделей лексики, имеющих ярко выраженный *дедуктивный принцип* (П. Роже, Ш. Макэ, Э. Блан, Ф. Дорнзайф и др.). Одним из главных вопросов данных проектов следует назвать вопрос о соотношении понятия и слова. Так, например, в работе Р.Халлига и В. фон Вартбурга «Система понятий как основа лексикографии» высказывается мысль о том, что каждая глосса имеет общее значение, которое при употреблении реализуется в ряде окказиональных значений. При активном функционировании глоссы из общего значения вычленяется некое ядро, постоянное для всех возможных значений; этим ядром является логическое понятие. В основу идеографического описания лексики был положен формальный принцип классификации слов по отношению к логическим понятиям, однако особенности связей между понятием и словом, закономерности их интеграции в целое, но не отождествление, не были определены [см. об истории идеографии: Морковкин, 1970; Караулов, 1976; Соколовская, 1999 и др.].

Активное развитие структурной семантики на многие десятилетия определило специфику исследования лексической системы. Данная научная парадигма обусловила определенный методологический взгляд на объект описания: под лексикой понималось системное множество слов, состоящих в различных семантических отношениях друг с другом. Именно поэтому использование нового понятия *семантического поля*, воспринимаемого часто как метода описания лексики, стало связываться «с идеей разбиения лексики на различные лексические группы, представляющие собой самостоятельные подсистемы» [Кронгауз, 2001, с. 158]. Важно при этом отметить, что исследователи, преследуя цели воссоздания «картины мира», запечатленной, по их мысли, в полевой структуре, рассматривали каждую конкретную подсистему, смоделированную на основании общности смыслов всех членов поля, во-первых, как конечный результат конструирования, и, во-вторых, как предел семантического описания отдельного слова. Последним, по сути формально-классификационным, шагом являлась работа по «внешнему структурированию полей» (Ю. Н. Караулов).

Созданная в первой четверти прошлого века теория поля, названная С. Ульманом «коперниковской революцией» в семантике, получила в последующие годы достаточно широкую интерпретацию во многих исследованиях. В литературе принято связывать появление понятия *поля* с возрождением в 20–30-е гг. XX века учения В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Вклад в развитие теории поля сделали многие ученые (Э. Х. В. Тенгнер, Р. М. Майер, Г. Ипсен, Й. Трир, Л. Вайсгербер, В. Порциг, Г. С. Шур, Ж. Маторэ и др.).

Как известно, Э. Х. В. Тенгнер в работе «Язык и народность» (1876 г.) впервые употребил слово *поле* для сравнения содержания мысли с целинным полем; он считал, что поля в разных языках очень часто не совпадают как по внешней, так и по внутренней структуре, и что исключение составляют слова, обозначающие объекты самой природы, то есть суть та лексика, в содержание которой человек не добавляет ничего субъективного. Несмотря на то, что Э. Х. В. Тенгнер использовал *поле* не в строго терминологическом значении, вскоре оно приобрело самый широкий диапазон определений в языкознании.

Й. Трир исходил из понимания синхронного состояния языка как замкнутой стабильной системы, определяющей сущность всех ее составных частей, и считал, что слова того или иного языка не являются обособленными носителями смысла, а каждое из них имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова. Й. Трир также полагал, что «понятийное поле не зависит от лексического и существует до него. Лексическое же поле, образуемое рядом близких по значению слов, как бы накладывается на понятийное поле, покрывая его целиком и одновременно расчлняя на отдельные участки» [Дубровина, Вакуленко, 1990, с. 6].

Теория поля, разработанная Й. Триром, критиковалась неоднократно, в частности, в ключе таких вопросов, как: лексическая замкнутость поля, отрицание значения слова как самостоятельной единицы, игнорирование полисемии, параллелизм понятийного и лексического поля и некоторые др. Однако вклад в лингвистику Й. Трира трудно переоценить, поскольку впервые был выдвинут тезис о неопределимости языковой единицы плана содержания без анализа всех близких по значению слов, что послужило толчком для последующих попыток систематизировать лексику исходя из значений слов.

Дальнейшее развитие теория семантического поля нашла в трудах неогумбольдтианца Л. Вайсгербера, считавшего, что семантическое деление системы языка должно определяться принципами, которые заложены в самом языке, в его семантической структуре, а не реальными отношениями в объективной действительности. Каждый народ имеет свои принципы членения внешнего мира, свой взгляд на окружающую действительность, поэтому семантические системы разных языков не совпадают. Необходимо искать принципы деления словарного состава на поля в самом языке [Васильев, 1971, с. 23]. Как отмечает М. М. Гухман, полевая концепция для Л. Вайсгербера не сводится только к методу, так как «поля рассматриваются им не только как результат, но и как форма существования того членения объективного мира, которое предопределяется духом языка» [Гухман, 1961, с. 142]. Таким образом, именно определяющая специфику языковой «картины мира» семантическая структура, понятая как множество реально существующих полей, у Л. Вайсгербера оказывается чисто формальной категорией, определяемой исходя из примата субстанциональных качеств [см. классификацию качеств: Кузьмин, 1976]. Отрицание системообразующего фактора содержательной стороны языка (каковым в эпоху ученого считался окружающий мир) было продиктовано убеждением Л. Вайсгербера в том, что язык не отражает мир, но «ословливает мир», творя так называемый «промежуточный мир языка». Заслугой Л. Вайсгербера было обращение к исследованию именно языковых фактов, однако вместе с тем ему не удалось объяснить устройство семантической системы, исходя только из интралингвистических принципов.

Интерес в 30-50-е гг. XX века к проблемам синтагматики и деривации, разрабатываемым в аспекте теории поля, привел к созданию целого ряда концепций полевой структуры языка, сближающих семантику с грамматикой и прагматикой (В. Порциг, П. Гиро и др.). В отечественном языкознании это направление развивал Ю. Д. Апресян [см.: Апресян, 1962; Апресян, 1974].

До сих пор семантическое поле понимают как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС, 1990, с. 380].

Со второй половины XX века теория семантического поля начинает концентрироваться в теоретическом плане на технике описания подсистем Словаря⁵, то есть на компонентном анализе смыслов. Под компонентным анализом обычно понимается расщепление значения на составляющие [Манакин, 2004, с. 111]. Этот метод возник в американской лингвистике и базируется на следующих принципах: «1) описание значений словарного состава естественных языков через средство конечного набора элементарных семантических единиц или компонентов; 2) представление этих компонентов как независимых от конкретных языков универсальных репрезентаций; 3) интерпретация их в качестве компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого интеллекта» [Цветков, 1984, с. 62]. *Компонентное видение* лексической системы является фундаментальным основанием идеографического описания Словаря; компонентный анализ здесь становится не методом определения семного набора слова, а средством декодирования совокупного означающего, набором методик для описания «картины мира» [см.: Шмелев, 1964; Шмелев, 1973; Степанова, 1966; Уфимцева, 1986; Ломтев, 1976; Кузнецов, 1980; Кузнецов, 1986; Соколовская, 1993; Соколовская, 1998; Соколовская, 1999; Рудяков, 1992; Рудяков, 1998; Рудяков, 2004 и др.].

Таким образом, теория поля предопределила развитие структурной семантики (традиции которой просуществовали вплоть до конца прошлого века), в парадигме которой часто понятия система и структура отождествлялись. В контексте полемики со структурными теориями была осознана необходимость в разграничении элементного, структурного и системного подходов в языкознании: «По-видимому, рассмотрение любого естественного объекта, как и любого сложного фрагмента природы, возможно производить по крайней мере в трех (разных) отношениях: а) как определенной совокупности элементов; б) как определенной совокупности отношений между этими элементами; в) как связанного целого» [ОЗ, 1972, с. 44]. Структурный подход к исследованию лексической системы позиционировал сеть отношений между членами семантических полей, а также межполевые связи как конечный результат описания содержательной стороны языка. В рамках данного подхода в качестве системообразующего фактора Словаря выступают семантические связи между элементами системы, следовательно, «в данном случае мы сталкиваемся с менее явным проявлением предметноцентристского видения – сведением системных отношений в лексике к сумме отношений между отдельными словами» [Рудяков, 1992, с. 31]. Подобной таксономией исчерпывается гносеологический потенциал формально-классификационной парадигмы, характеризующейся внутрисистемной замкнутостью в пределах рассмотрения языковых единиц не относительно их функции (то есть *для чего, каково назначение в контексте целого*), а исключительно формы и значения.

История русской идеографии начинается в трудах И. А. Гульянова, В. И. Даля и И. И. Срезневского. Ученые лишь «озаглавили» проблему, однако данное направление в языкознании не получило широкого развития.

Несомненно, «первооткрывателем» научной русской идеографии является Ю. Н. Караулов. Труд Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография» (1976) систематизировал знания в теории семантического поля и наметил пути развития раздела науки в целом.

Попытки создать идеографический словарь были реализованы уже в этой работе. На основе словника русского языка для иностранцев Ю. Н. Караулов конструирует индуктивным методом Минимальный идеографический словарь (МИС), разрешая все трудности с точки зрения полевой структуры языка.

Решение поставленной задачи осуществлялось в два приема: сначала весь словарь (исходный список) разбивался на поля (этап «от списка слов – к словарю семантических полей»); затем велась работа с каждым полем в отдельности («от словаря – к полю»), поля укрупнялись, упорядочивались их внутренний состав и взаимоотношения. Третий этап заключительный – этап непосредственного построения отдельного полного поля. Ассоциации, определяющие объем групп, по мнению автора, могут быть сколь угодно свободными и произвольными и ограничиваться только здравым смыслом составителя. На основе определения в толковом словаре устанавливаются содержательные компоненты ядра, для которого строится поле, например: *болезнь* – «расстройство здоровья, нарушение правильной деятельности организма». Наличие одних и тех же слов в определении имен поля и определении испытываемого слова служит указанием для отнесения этого слова к данному полю. Так, *медицина, слабый, страдать* (общий компонент *болезнь*) и *телесный* (общий компонент – *организм*) входят в данное поле, тогда как *возраст, изменение, опасный, несчастье, смерть* не имеют одинаковых компонентов с ядром и в поле не включаются. Операция по выявлению общих компонентов повторяется для каждого слова из минимального семантического поля, ассоциированного с данным ядром.

Поиск только материально выраженных семантических компонентов в словарных формулировках и дальнейшее моделирование полей по принципу ассоциативности привело к созданию тезауруса, демонстрирующего ассоциативный потенциал активной лексики, но не структуру семантической системы.

В последующие годы идеография разрабатывалась относительно неактивно. Однако среди немногочисленных работ следует назвать труды В. В. Морковкина (словарь «Лексическая основа русского языка») и Ж. П. Соколовской («Краткий тематический словарь русского языка»), которые внесли значительный вклад в развитие научной мысли о создании идеографических словарей⁶.

Одними из наиболее удачных словарей учебного профиля можно считать «Иллюстрированный тематический словарь» Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова (1989) и «Тематический словарь русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой, В. В. Морковкина (2000). Позднее вышла «Система лексических минимумов

современного русского языка» под редакцией В.В.Морковника (2003). Всего «Система лексических минимумов современного русского языка» включает 10 лексических списков: от 500 до 5 тыс. самых важных русских слов. Кроме того, в этом лексикографическом произведении содержится тематический словарь-минимум современного русского языка, в котором авторы выделили 6 понятийных областей: 1) человек как живое существо, 2) человек как чувствующее, желающее, мыслящее и говорящее существо, 3) человек как общественное существо, 4) страна и государство, 5) человек и окружающий мир, 6) общие категории.

Пристальное внимание в 90-х гг. XX века исследователей в области лексической семантики к проблеме лексикографической систематизации новейших достижений привело к созданию «Русского семантического словаря» под редакцией акад. Н. Ю. Шведовой (1998). Следует заметить, что авторы произведения акцентируют тот факт, что данный словарь не является собственно идеографическим. В основе концепции «Русского семантического словаря» лежит тезис, согласно которому данное самим языком деление всего словесного состава на части речи является исходным членением лексики, поэтому словарь следует признать словарем особого типа, представляющим собой некий симбиоз толкового и идеографического словаря, в котором лексическая система русского языка представлена как система в направлении от инвариантных смыслов лексико-грамматического порядка (логико-грамматические понятия, положенные в основы категориального значения частей речи) к собственно семантической дифференциации смыслового континуума.

Представляет несомненный интерес для лингвистической науки проект «Русского идеографического словаря», концепция которого была предложена акад. Н. Ю. Шведовой. Согласно этой концепции, «все многообразие реализаций концепта организовано в строгую систему – смысловую парадигму, а именно его последовательную соотнесенность с системой глобальных (наиболее общих) языковых смыслов. Через местоимения эти понятия получают первичное расчленение: суть концепта (кто и что), признак приписываемый и сущностный (какой и каков)...» [Занегина, 2005, с. 118] и т. д. Подобный *прономинальный подход* к проблеме идеографического описания лексической системы, получил свое развитие и у других авторов (прежде всего в работах Ю. Л. Воротникова и Е. Н. Сидоренко). Вопрос о языковых смыслах в такой методологической плоскости разрешается в пользу формально-логического рассмотрения лексических единиц, ядерное содержание грамматического значения которых, по мнению авторов, суть неоспоримая принадлежность языку, определяющая наиболее общие закономерности лексической системы.

«Толково-понятийный словарь русского языка» А. А. Шушкова (2003) можно считать «словарем особого типа, так как он содержит в себе элементы алфавитного и тематического словарей. Слова объединены в семантические группы, расположенные по алфавиту; группы, в свою очередь, представляют систему основных концептов русского языка» [Балашова, 2004, с. 156]. В «Толково-понятийный словарь русского языка» представлено 605 концептов. Автор считает, что все существующие идеографические словари «опираются на некую абстрактную классификацию понятий и поэтому дают обобщенное, нерасчлененное представление о ситуации, понятийной сфере или определенной теме, списком выражая их лексику и фразеологию. Эта особенность затрудняет пользование такими словарями» [Шушков, 2003, с. 6]. Новизной словаря, с точки зрения автора, является то, что он отражает языковую, а не логическую сконструированную «картину мира».

В начале XXI века категориальный аппарат идеографии претерпевает значительные изменения по причине смены научной парадигмы и функционализации представлений о естественном языке, его устройстве и реализации. Смена научной парадигмы и отказ от формально-классификационного принципа в исследовании естественного языка стали необходимыми для построения объяснительных моделей. Функциональная лингвистика «основывается на фундаментальной гипотезе о функциональной мотивированности языка, а именно о том, что язык (как механизм, устройство, средство и т. д.), чтобы осуществлять свое предназначение (успешно использоваться), должен иметь не произвольную природу (структуру), а именно такую, которая оптимально согласована со способами его использования» [Кибрик, 1992, с. 33]. Способы же использования языка определяются не столько внутрисистемными закономерностями, сколько внешними системами, выступающими в качестве «среды», в которой язык используется и благодаря которой модернизируется, поэтому «функция реалии может быть адекватно определена только в том случае, если субъект познания видит эту реалию как целое, взаимодействующее со *средой*; как целое, системопорождающий, системообразующий фактор которого *средой* обусловлен» [Рудяков, 2004, с. 42]. Иными словами, основополагающую нагрузку по приданию реалии формы и образованию способов ее существования выполняет функция.

Словарь естественного языка представляет собой множество словесных форм, основное назначение которых заключается в хранении и экспликации языковых понятий. Как отмечал Ю. Н. Караулов, «...в том, чтобы считать каждое отдельное слово элементом картины мира, нет принципиальной ошибки, но подобная установка лишает исследователя возможности воссоздать, моделировать такую картину мира, приводит его в «конструктивный тупик» [Караулов, 1976, с. 268]. Подобную мысль высказывает Ю. Л. Воротников: «Какова же природа элементов, формирующих ЯКМ⁷? Нельзя не согласиться с мнением, что основными ее элементами не могут быть отдельные слова. Однако вряд ли методологически корректно использовать при определении набора элементов ЯКМ и основополагающие категории философии или так называемые «константы сознания», которые формируют, по мнению некоторых исследователей «концептуальную модель мира» [Воротников, 2001, с. 12].

Концепция функциональной семантики [Рудяков, 1992; Рудяков, 1998] системообразующий фактор лексической системы видит в идеальной системе коллективного опыта, то есть в «картине мира», выступающей в качестве организующей силы семиотической системы. «Основной характеристикой слова является его функция – предназначенность для хранения и выражения конкретного языкового понятия, и ценность – статус по отношению к другим средствам хранения и выражения семантемы» [Рудяков, 1992, с. 146]. Таким образом, единицей лексической системы признается семантема (сигнификат, концепт, узел всесловарной иерархии семантических компонентов) – функциональная семантическая единица (знаковая односторонность – на уровне языковой абстракции) в совокупности с вариантами средств своего выражения (знаковая двусторонность – на

уровне типической речи), обладающих относительной функциональной тождественностью (прагматический аспект позиций номинации).

Создание идеографического словаря исходя из системы семантем – первостепенная задача функциональной идеографии. Взгляд на лексическую систему не столько как на многомерное парадигматическое целое, сколько на закодированную в языковых знаках метасистему человеческого опыта, средство хранения и выражения представлений об Универсуме, – необходимый методологический шаг. Активная модель нового тезауруса предполагает создание принципиально другого по типу произведения: «...»левая» часть словарного толкования, в которой традиционно располагалось интерпретируемое слово, а в некоторых словарях – словосочетания особого рода... превращается из словника в, условно говоря, значенник – реестр семантем-понятий, для организации которого наиболее естественен идеографический порядок. «Правая» же часть в этом случае представлена стратифицированным перечнем вариантов каждой из семантем. Число вариантов семантемы может быть велико, поэтому полнота представленности средств выражения языкового понятия в том или ином функциональном словаре обусловлена спецификой адресата, методического или научного запроса. В идеале каждый из вариантов должен сопровождаться характеристикой тех позиций, в которых он способен реализовать семантему» [Рудяков, 1992, с. 74].

Проблема идеографического описания всего Словаря заставляет исследователей искать альтернативные способы лексикографирования, среди которых получила свое распространение тенденция по созданию кратких тезаурусов⁸, демонстрирующих основной, активный словарный пласт и имеющих не только теоретическое значение, но и прикладное (например, в качестве пособия для изучения иностранного языка). Такое направление представляется перспективным в том смысле, что позволяет исследовать одни и те же структуры «картины мира» в разных языках для того, чтобы выявить различия и затем проследить на лексическом уровне специфику реализации сигнификатов. Особый интерес представляет изучение в подобном аспекте русского и украинского языков, что является предметом нашей дальнейшей работы по практическому воплощению основных положений функциональной идеографии.

Источники и литература

1. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексико-графический сборник. – М., 1962. – Вып. 5. – С. 52-72.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
3. Балашова И. Г. Об идеографировании лексического минимума в учебном тематическом словаре // «Культура народов Причерноморья». Научный журнал. № 49. Том 1. Март, 2004. – Симферополь, 2004. – С. 156-159.
4. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 21-27.
5. Воротников Ю. Л. Языковая картина мира как лингвистическая категория // Вопросы филологии. Научный журнал. Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 14-17 сентября 2001. Тезисы докладов. – М., 2001. – С. 12-13.
6. Гухман М. М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 142-143.
7. Дубровина К. Н., Вакулenco С. В. Методические указания к изучению спецкурса «Компонентный анализ значения слова». – М.: Изд. Унив. Дружб. Нар., 1990. – 47 с.
8. Занегина Н. Н. К описанию смысловой парадигмы концепта «Семья» (в рамках работы над «Русским идеографическим словарем») // XII Международная конференция по функциональной лингвистике «Функционализм как основа лингвистических исследований». Сборник научных докладов. – Ялта: Доля, 2005. – С. 118-119.
9. Кибрик А. А., Плугинян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М., 1997. – С. 276-339.
10. Кронгауз М. А. Семантика. Учебник для вузов. – М.: Рос. Гос. Гуманит. ун-т, 2001. – 399 с.
11. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М., 1986. – 124 с.
12. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. – М.: Наука, 1980. – 160 с.
13. Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1976. – 247 с.
14. Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание // Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683с.
15. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. – М., 1976. – 354 с.
16. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знания, 2004. – С. 20-121.
17. Морковкин В. В. Идеографические словари. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1970. – 70 с.
18. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972. – 270 с.
19. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
20. Рудяков А. Н. Функциональная семантика. – Симферополь: Таврия, 1992. – 154 с.
21. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (Опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
22. Соколовская Ж. П. «Картина мира в значениях слов». – Симферополь: Таврия, 1993. – 231 с.
23. Соколовская Ж. П. «Картина мира» в значениях слов: «семантические фантазии» или «катехизис семантики?». – Симферополь, 1999. – 232 с.
24. Соколовская Ж. П. Семантическая структура слова и «картина мира»: «семантические фантазии» или «катехизис семантики». – Симферополь, 1998. – 184 с.
25. Степанова М. Д. Вопросы компонентного анализа в лексике // Иностр. яз. в шк. – 1966. – № 5. – С. 35.
26. Уфимцева А. А. Лексическое значение. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
27. Цветков Н. В. К методологии компонентного анализа. – Вопросы языкознания, № 2, 1984.
28. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 243 с.
29. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 187 с.
30. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 605 семантических групп: Более 16500 слов и устойчивых выражений / ИЛИРАН. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 768 с.

Примечания

¹ «Среда» понимается как совокупность экстралингвистических факторов, влияющих на использование языка и на его развитие, в том числе и прагматическая направленность языковой личности.

² Под термином словесные формы понимается лексический ряд, включающий не только слова, но и фразеологизмы, устойчивые выражения, словосочетания, описательные обороты, – суть средства экспликации сигнификатов.

³ Подобный подход, как известно, получил резкую критику со стороны С. И. Ожегова, считавшего, что лексику нельзя классифицировать, исходя из отношений, существующих в самом мире. Ю. Н. Караулов напротив, указывал на тот факт, что лексика, взятая сама по себе, еще не дает оснований для непротиворечивой ее классификации.

⁴ Среди других проектов всемирного языка можно отметить: 1) использование одного из мертвых языков (напр., латинского); 2) создание и использование полуйскусственного языка, составленного на материале реально существующих языков (эсперанто, идо и др.); 3) использование одного из живых языков (напр., английского).

⁵ Словарь (с заглавной буквы) – совокупность словесных форм языка, лексикон, также лексическая система.

⁶ Преимущественно создавались учебные словари (в противовес идеографическим тезаурусам и аналогическим словарям) (по классификации тезаурусов, предложенной В.В.Морковкиным).

⁷ Языковая картина мира.

⁸ См. основные положения методики в др. публикациях: Забашта Р. В. К вопросу о создании краткого идеографического словаря русского языка // XI Международная конференция по функциональной лингвистике «Функционально описание естественного языка и его единиц». Сборник научных докладов. – Ялта: Доля, 2004. – С. 125-126; Забашта Р. В. Функциональное видение идеографического словаря // XII Международная конференция по функциональной лингвистике «Функционализм как основа лингвистических исследований». Сборник научных докладов. – Ялта: Доля, 2005. – С. 112-114.

Загнітко А. П. КОМУНІКАТИВНО-ІНТЕНЦІЙНІ АСПЕКТИ ТЕКСТУ

Сучасні лінгвістичні технології уможливають простеження і вивчення напрямів і глибини проникнення мовленнєвих комунікативних форм у різні сфери життя сучасної людини. Особливо суттєві такі мовленнєві комунікативні форми для дітей: значною мірою за допомогою мовлення дитина адаптується до культури свого середовища. Слово вчить дитину необхідних для неї діям [5; 12; 21]. Слово у формі похвали, покарання, заохочення регулює також її суб'єктивний стан. Існування потужного пласту комунікативних мовленнєвих виявів у житті цивілізованого суспільства актуалізує питання визначення кількості таких виявів й уміння стратегічно і тактично їх використовувати [24; 34]. Комунікативний аспект мовлення досліджений у науковому плані надзвичайно мало. Почасті його опрацьовували А. Р. Лурія, О. І. Москальська та ін., що й засвідчує актуальність і необхідність такого розгляду. Цим визначається і мета дослідження, що полягає у розкритті комунікативно-інтенційних аспектів тексту з простеженням особливостей вияву дофонових, власне фонових знань у відповідній мовленнєвій ситуації. Такий розгляд комунікативно-інтенційних аспектів тексту з послідовним з'ясуванням співвідношення текстового мовлення і структури ситуації реалізується вперше.

Щодо практичного функціонування мовлення у спілкуванні, то люди користуються ним скрізь. Тенденція все ширшого дослідження проблем мовленнєвої комунікації чітко виявилася останнім часом в розширенні предмета традиційних дисциплін, у диференціації ряду нових спеціальних напрямів [44; 47; 50]. Так, стійкий інтерес сучасної лінгвістики до семантичної проблематики умовив перегляд уваги про текст як про абстрактний об'єкт (саме він певною мірою бере початок від Ф. де Соссюра), відірваний від умов породження і людської діяльності [11; 17; 19] і закріплював аналіз тексту як повноцінного репрезентанта комунікативної тріади.

Усвідомлення вирішальної ролі соціального контексту в інтерпретації повідомлення і реагування на нього дало поштовх до широкого вивчення прагматичної функції мови – мовлення. Основні поняття теоретичної прагматики як розділу семіотики виділені на основі врахування одного аспекту комунікації – процесу розуміння, сприйняття мовлення [33; 37; 50]. Згодом у сферу дослідження було включено й інший аспект – прагматичні можливості мови щодо реалізації типових соціальних цілей і комунікативних завдань [43; 46]. Мовлення як вчинок, що має цільове призначення, стало об'єктом уваги лінгвістів у 60-і роки, які розвивали теорію мовленнєвих актів (Д. Остін, Дж. Сьорль, П. Стросон, П. Грейс та ін. (див. також: [46])). У межах цього напрямку вважається, що реалізовувана в мовленні мета є базовим поняттям, навколо якого групуються інші форми використання мови [39; 50]. Описуються різні види цілеспрямованих мовленнєвих актів, пропонуються їхні класифікації. Теорія мовленнєвих актів і більш загальний напрям лінгвістичної прагматики, звертаючись до цілісного мовленнєвого акту в цілісній мовленнєвій ситуації, йдуть значно вперед порівняно з традиційною лінгвістикою, з її орієнтацією тільки на мовну систему [48; 49]. Водночас не можна не помітити, що аспект мовленнєвого спілкування, взаємодії людей в акті комунікації висвітлюється в цьому разі лише в найзагальнішому плані [24; 28]. Відчувається необхідність значно вичерпніше описувати комунікативний аспект мовлення, тобто виявити основні позиції людей, що виражаються в спілкуванні, та простежити використовувані при цьому засоби їхньої самореалізації: *«Take відчуття, що я роблю це в тисяча сто двадцять перший раз...» – сказала Марла. – «Виходить, що не буде в нас попсової сцени в аеропорту зі слізьми і дрижанням у голосі на слові «Процай...»? – (Марла потай, та й не зовсім потай і так уже розтирала по писку сльози). – «Ні, не буде...»* (Карпа І. Фройд би плакав).

Під час аналізу комунікативного аспекту мовлення важливо враховувати загальні тенденції мовленнєвої поведінки в тих або інших умовах, а також той арсенал засобів, що існує для їхнього вираження. Стає актуальним усвідомлення, які із простежуваних при аналізі спонтанного мовлення особливості мають загальний характер, а які – привнесені індивідуальністю мовця: *«Слухайте, чуваки, – питала кілька днів тому Марла у своїх колег із музичної активності, – а ви знаєте, де у бабів та точка «Же» знаходиться? – «Ой, – відказав Артур, – та в більшості жінок не те що точки «Джі» нема, у них і вагини відсутні!» – «Н-да, це точно... – І Марла відіслала розпачливе «HELP!» усім своїм секс-просунутим дівкам, навіть не пробуючи спитати поради у себе самої. – *Ва-a-ad fridens and che-e-eah sex... – мугикала тоді вона собі під ніс*» (Карпа І. Фройд би плакав).*

Традиційна лінгвістика оперувала, по суті, тільки письмовим мовленням. Усне мовлення спеціально не вивчалось й описувалось у вигляді модифікації стандартної (кодифікованої) мови. Лише в середині 60-х років у зв'язку з відповідною переорієнтацією науки, розвитком соціо-, прагма- і психолінгвістичних досліджень активізувався інтерес до вивчення специфіки мовлення [11; 13; 15; 22; 47]. Аналіз записів спонтанного мовлення, що реалізується в природних умовах, виявив існування особливої мовної формації – самодостатньої системи, що функціонує в українській літературній мові і що була названа розмовним мовленням. Спроба розмежувати сфери використання розмовного мовлення і кодифікованої літературної мови наштовхнулися на значні термінологічні і теоретичні проблеми (див. праці П. С. Дудика та ін.). Стало очевидним, що не будь-яке усне мовлення будується за типом розмовного, наявні ситуації, в яких мовлення, ґрунтуючись на кодифікованій основі, виявляє подібність до розмовного мовлення, риси обох систем можуть певною мірою поєднуватися, а в окремих випадках їх репрезентують репліки різних партнерів. Очевидно, вибір того або іншого варіанта мови регулюється цілим рядом різноякісних параметрів, що перетинаються і з-поміж яких наявні: і форма, і функція, і тематика